

РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ: НОВЫЕ ЖАНРЫ И НОВЫЕ ТЕРМИНЫ

В статье рассматриваются основные черты стилистической системы и основные типы авторских терминов русского религиозно-философского текста. Представлен краткий обзор основных жанров, дифференциация которых обусловлена сближением философии с богословием и литературой: философский трактат, статья, философский роман, диалоги, очерк, эссе, афоризм, «портреты и параллели», реплики, письма, автобиография. Кроме того, во второй части статьи представлена типология авторских терминологических единиц русского религиозно-философского текста: термины, образованные морфологическим, синтаксическим и семантическим способами, переосмысленные термины других наук, а также термины в дискурсивной функции.

Русский религиозно-философский текст, стилистическая система, жанр, философский трактат, эссе, диалоги, авторский термин, терминологизация, термин в дискурсивной функции.

The paper considers the main features of the stylistic system and the types of the authors' terms in the Russian religious and philosophical text. A brief overview of the basic philosophical genres is represented. The main written forms of Russian philosophy are considered to be philosophical tract, article, philosophical novel, dialogue, outline, essays, aphorism, "portraits and parallels," replicas, letters, autobiography. The paper analyzes the basic types of philosophical terms and focuses on their creation methods. Authorial terms of Russian philosophical texts are divided into four types: terms generated by means of derivational and lexical and syntactic methods; terms generated by means of semantic method; reconceived terms of other sciences and theology terms; multifold philosophical terms interpreted originally by the particular philosopher (terms in discursive function). The performed analysis allowed making a brief conclusion concerning internal organization of genre and term systems.

Russian philosophical text, term, authorial philosophical term, terminologization, discursive function of the term, term system, term creation, stylistic system, genre, philosophical tract, essays, dialogues.

Введение.

Под определением «религиозно-философский текст» мы подразумеваем тексты русских мыслителей конца XIX – середины XX вв., т. е., по хронологии В. В. Зеньковского, второго и третьего периодов в развитии русской философии. Второй период начинается с 70-х гг. XIX века, когда философия «вступает на путь построения систем» и начинается время интенсивного философского движения [5, с. 17], и заканчивается в конце второго десятилетия XX века. Третий период – XX век после Октябрьской революции.

Заметим, что вопрос о временных границах философского текста как объекта исследования по-своему решается разными исследователями. Так, Н. М. Азарова называет русским философским текстом произведения XX века, поскольку именно в это столетие активно формировались и развивались основные течения русской философской мысли и именно XX век стал периодом становления русских философских текстов [1]. Посвященные языку и стилю русской философской литературы лекции Л. М. Грановской охватывают вторую половину XIX-го столетия и первые десятилетия XX-го, «за пределами которых обозначился в России новый поворот философской мысли, последовавший после дискуссий 20–30-х годов XX в. и названный ее исследователями (не терминологически) подавлением» [4, с. 3].

С точки зрения анализа терминологии мы считаем необходимым сосредоточиться на периоде «построения систем», однако привлекаем для анализа и

более поздние произведения русских философов, написанные в эмиграции, поскольку в этих произведениях продолжалось активное терминотворчество.

Основная часть.

Анализируя философские произведения, исследователь – независимо от угла зрения и аспекта изучения текста и его составляющих – неизбежно сталкивается с проблемой научности философии. Так, например, эта проблема решается Н. М. Азаровой следующим образом: «Философия является самостоятельным видом духовной деятельности человека (особой формой культуры), подразумевающей особый статус существования языка, отличный от языка науки, а философские тексты нельзя считать подвидами научных текстов. В рамках лингвистистики философские тексты неверно рассматривать в составе научного стиля речи» [1, с. 18].

Менее строгое решение проблемы предлагает Г. Л. Тульчинский, разделяющий академическую философию, в рамках которой существуют диссертационные советы и научные специальности, и «живое философствование»: «Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры – П. Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, В. В. Розанов, Вяч. Иванов, П. А. Флоренский, П. Савицкий и др. – не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по роду занятий. Можно сказать, что типологической закономерностью развития российской философии является философская канонизация нефилософского философствования» [11, с. 68].

Одной из типологических черт русской философии является симпосийность. Термин этот в применении к русской философии впервые употребил М. Эпштейн, подчеркивая особую близость русского религиозно-философского текста традиции платоновских диалогов – в первую очередь, «Пира» (буквально – “symposion”). М. Эпштейн говорит об особой «полифонии духовности, интегрирующей абстрактные идеи, телесность и душу философа, науку и поэзию, фантазию и критику, анализ и синтез, историчность и утопизм» [см.: 16].

Симпосийность как типологическая черта русского религиозного текста проявляется в органическом соединении самых разных стиливых и стилистических начал: элементы научного стиля, публицистическое начало, связь с поэзией и художественным текстом в целом.

В творчестве русских философов конца XIX – начала XX вв. оказываются переплетены разные способы философствования, которые Г. Л. Тульчинский обозначил как «вербальные и невербальные» [11, с. 6]. «Правополушарное» философствование реализуется при помощи иконических знаков: различных изображений, рисунков, схем. Так, на геометрически наглядном рассуждении основаны целые главы произведений П. А. Флоренского «Философия культа» («Освящение реальности», «Примечания»); «У водоразделов мысли» («Форма и организация», «Обратная перспектива и иллюзионизм»). С невербальным способом философствования связана идея Symbolarium'a П. А. Флоренского – книги, задуманной как словарь иконических знаков символов (точка, круг, строительный кирпичик, исчезновение, смерть).

Вербальные способы философствования реализуются в различных жанровых вариациях, образующих стилистическую систему. О важности и необходимости изучения этой системы – наряду с изучением терминологического словаря – говорила Н. Ю. Шведова, слова которой приводятся в статье-воспоминании Л. М. Грановской [3, с. 117].

К основным письменным формам русского религиозно-философского текста относятся (в самых разных вариациях): философский трактат, статья, философский роман, диалоги, очерк, эссе, афоризм, «портреты и параллели», реплики, письма, автобиография.

Жанровая дифференциация русского религиозно-философского текста в период «построения систем» претерпела значительные изменения, во многом обусловленные сближением философии с литературой и богословием. Симпосийность как сущностная черта философского текста вызвана стремлением авторов к особому синтетическому знанию, сочетающему в себе разные начала: религию, философию, науку и искусство.

Соединение этих начал привело к переосмыслению традиционных философских жанров и частичному отказу от традиционных жанровых форм – трактата и монографии. В то же время философы конца XIX – начала XX веков были очень внимательны к так называемым «литературным» жанрам:

философский роман, диалог (диалоги), письма, фрагмент, лекция и афоризм.

Ю. В. Маринина пишет о формировании в конце Серебряного века жанра философского романа, наполненного новым религиозно-философским содержанием, «основанным на поисках синтеза, новой философской мысли, которая примирила бы дух и плоть, земное и небесное, науки и искусства, различные грани “единого знания”»: “Женщина-мыслитель” и “Трио Чайковского” А. Ф. Лосева; “Петербургские ночи” Л. П. Карсавина» [8].

Жанр диалога (диалогов) вмещает в себя литературное, богословское и философское начала. Яркими образцами жанра являются произведения В. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями» и содержательно связанные с соловьевским текстом «На пиру богов. Современные диалоги» С. Н. Булгакова. В диалогах действует система персонажей (Генерал, Политик, Дама, Князь; Общественный деятель, Известный писатель, Боевой генерал, Светский богослов и беженец) и обсуждаются актуальные для того времени вопросы философского, политического и богословского характера. Философский диалог, восходящий к «состязаниям в речах» в древнегреческой драме, в русской традиции реализуется как способ самопознания: это цель, ради которой говорящий обращается к собеседнику. К жанру диалогов относится также произведение С. Н. Булгакова «У стен Херсониса», участниками диалогов, происходящих в Крыму, «ввиду Херсонисского монастыря», являются Беженец, Светский богослов, Ученый иеромонах и Приходской священник. Основная тема произведения – трагическое разделение между восточной и западной Церковью, которую автор называет «основной болезнью всего христианского мира». Диалогическое начало произведения обусловлено большим количеством неразрешимых проблем, которые формулируются в виде полемических вопросов, задаваемых друг другу участниками споров.

А. Ф. Лосев и А. А. Тахо-Годи, анализируя диалоги Платона, предлагали рассматривать их в качестве своего рода «драм мысли». На наш взгляд, эта характеристика в полной мере соответствует жанру диалога в русской религиозной философии: «Сам по себе диалог является непременным элементом драмы. Однако драматичность может быть разная. Бывает драматизм сюжетной завязки, драматизм ситуации, а бывает внутренний драматизм борющихся идей, противоположных утверждений, отчаянно защищаемых спорящими сторонами» [7, с. 101].

Эпистолярный жанр также становится значимым элементом в формирующейся в конце XIX века стилистической системе языка философии. Прямое обозначение адресанта и адресата позволяют говорить о наличии эпистолярного начала в программном произведении Н. Ф. Федорова «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства» с подзаголовком: «Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верую-

щим и неверующим». Н. Ф. Федоров считал, что «ученые» исказили естественный и ясный взгляд на мир, свойственный народу. С. Г. Семенова, анализируя философию Федорова, писала, что «неученые» являются своеобразной философской категорией, выражающей идеал коллективного чувствования, мышления, оценки в противоположность индивидуализированному умствования. «Самый жанр проникновенно “простодушного” обращения с самыми главными, большими вопросами, мучающими всех, и “ученых” и “неученых”, определяет особый тон и слог автора» [9, с. 466].

Ю. В. Маринина считает эпистолярный жанр ведущим в творчестве П. А. Флоренского, многие работы которого представляли собой личные беседы или письма, обращенные к читателю-другу. «Иногда письма, доработанные П. А. Флоренским, превращались в главы его трудов. Так, например, предисловие «На Маковце» к труду «У водоразделов мысли» выросло из письма к В. В. Розанову, который сам жанр переписки назвал «золотой частью литературы» [8].

Эпистолярное начало организует текст фундаментального труда П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины», в котором собрано 12 писем к другу. В христианской письменности форма письма имеет апостольскую традицию: средневековые авторы откликались на какое-нибудь важное событие в мире христианском или на просьбу друга. Так образовалась литература Средних веков; господствующая ее форма была форма писем к другу и к Церкви. По словам Игумена Андроника (Трубачева), «написание “Столпа” в виде писем к Другу должно было свидетельствовать об особой приверженности отца Павла к типу средневекового мировоззрения и к дружескому общению» [6, с. 824]. Символично число писем: их двенадцать, что соответствует символу божественной сущности. Письма начинаются с описания природы или выражения личных переживаний, затем автор переходит к раскрытию тем письма, большинство из которых представлены в тексте «парами»: Истина – Сомнение, Дружба – Ревность, Тварь – София.

Четырнадцать писем, адресатом которых являются «недрузи по социальной философии», составляют книгу Н. А. Бердяева «Философия неравенства»: «Письма эти, в которых я хочу подвести итог всем мыслям моим по социальной философии, обращаю непосредственно к моим недругам, людям враждебного мне духа, противного мне чувства жизни, чужих мне мыслей» [Бердяев. Философия неравенства]. Темы писем очень разнообразны и охватывают все стороны материальной и духовной жизни общества: о русской революции; о войне; о религиозно-онтологических основах общественности; о нации; о консерватизме; о культуре и др. Помимо «недрузей», письма с ярко выраженным проповедническим и нарастающим от середины к концу произведения полемическим началом, обращены к потомкам, что и обусловило жанровые особенности «Философии неравенства».

Еще одна заметная черта русской религиозной философии и связанный с ней жанр вызваны к жизни

вниманием мыслителей к творчеству своих идейных союзников и оппонентов; речь идет о большом количестве разного рода критических и биографических обзоров, включающих содержательный анализ одного произведения или всего творчества философа: «Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. И. Шестова» С. Н. Булгакова; «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли»; «О книге С. Л. Франка «Непостижимое»; «Стилизованное православие (Отец Павел Флоренский)»; «Основная идея философии Льва Шестова» Н. А. Бердяева; «Личность Вл. С. Соловьева» Е. Н. Трубецкого; «Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева)» Л. Шестова и др.

Наиболее распространенными литературными формами философского знания в русской философии описываемого периода были, по-видимому, статья и монографический трактат в самых разных своих видах, которые в ряде случаев указывались в подзаголовках: опыты, созерцания и умозрения, пролегомены, например:

Н. А. Бердяев: Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения); О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии); Истина и откровение (Пролегомены к критике Откровения); особо следует упомянуть книгу «Самопознание (Опыт философской автобиографии)»; С. Н. Булгаков. Свет невечерний (Созерцания и умозрения); Л. И. Шестов. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления).

Философский трактат в его классическом варианте представляет собой смысловую конструкцию, содержащую две основные составляющие: «во-первых, описание структуры некоторого философского универсума, а во-вторых, описание своего рода ландшафта данного универсума» [14, с. 202–203]. Автор трактата создает некую совокупность принципиальных понятий, задающих «философское видение» определенного аспекта действительности, и на протяжении всего текста проясняет сущностные черты и внутренние закономерности сконструированного «возможного мира».

Признавая философскую автобиографию своеобразной разновидностью трактата, О. В. Хлебникова высказывает мысль о том, что появление биографий является показателем усовершенствования системы литературных приемов жанра и его дальнейшего развития [см.: 14].

Развитие жанра трактата, на наш взгляд, осуществляется за счет появления в нем ярко выраженного эссеистического начала, которое проявляется в первую очередь в отсутствии исчерпывающего анализа проблемы, точнее, в кажущемся или прямо обозначенном отсутствии намерения автора эту проблему исчерпать. В то же время философское эссе предполагает «известную законченность, отточенность и вывод» [4, с. 13]. Добавим, что в русской религиозной философии эссе существует и как самостоятельный жанр, и как составляющее начало в более крупных жанровых формах.

Л. М. Грановская считает, что жанр философского эссе воскресил под новым названием известные в

XVIII веке «Опыты», и связывает появление этого жанра с «проникновением новой образности в язык новейшей философии, обратившейся к миру реалий в противовес абстрактной сфере идеальностей» [4, с. 13]. О. В. Хлебникова рассматривает философское эссе как разновидность философской публицистики, формирующей философское «общественное» мнение; само возникновение идеи «подачи» философского материала в таком виде является, по мнению Хлебниковой, показателем высокого уровня развития письменной литературной традиции: «Появление жанра философского эссе стало возможно только с появлением достаточно обширного текстового пространства, позволяющего быть разного рода аллюзиям и реминисценциям» [14, с. 204].

Форма философского эссе или афоризма особенно характерна для творчества Л. Шестова, предпочитавшего в структуре текста фрагментарность, недоканоничность, нарочитую непоследовательность изложения: «На Западе афористическая форма изложения – явление довольно обычное. У нас полагают, что книга должна представлять из себя последовательно развитую систему мыслей, объединенных общей идеей – иначе она не оправдывает своего назначения... <...> С удивлением и недоумением я стал замечать, что, в конце концов, “идея” и “последовательности” приносились в жертву то, что больше всего должно оберегать в литературном творчестве, – свободная мысль» [15, с. 33–34].

Это словосочетание о свободной мысли в полной мере применимо к анализу жанровых особенностей русского философского текста: в нем доминируют свободные формы, очень развито явление «жанровой переходности», возникшее в результате своеобразной «деканонизации» традиционных жанров философии и литературы, сильно влияние художественного текста, особенно поэтического.

Новизна и оригинальность русской философской мысли выразилась не только в создании новой стилистической системы, но и в формировании новой терминологии. В терминологии, как и стилистических чертах, проявляется органическое соединение разных черт и элементов; обе эти системы – стилевая и терминологическая – есть порождение всепронизывающей креативности русской философской мысли: свободная мысль порождает свободу жанра и свободу обращения с языком философии.

Одной из задач современной русистики может стать системное описание терминов русского религиозно-философского текста в их количественном и качественном своеобразии. В рамках настоящей статьи мы ограничимся только общими рассуждениями о построении типологии авторских терминологических лексем.

Особая роль личности автора философского текста и стоящих перед ним предельных онтологических задач обусловили появление особых, авторских философских терминов и формирование авторских философских систем. Н. М. Азарова называет авторскими терминами, «появившиеся первоначально в текстах одного философа и актуализирующие в настоящее время связь с текстом этого философа» [1, с. 62].

В. Д. Табанакова вводит новую трактовку понятия: авторский термин есть дискурсивная функция термина. «Понятие “авторский термин” расширяется до авторского концепта... авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе. <...> Авторским станет центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект... Он выстраивает свою логико-понятийную систему» [10, с. 6].

Очевидно, что позиции этих авторов не противоречат друг другу, а взаимодополняют, вследствие чего мы имеем основания полагать, что авторские термины русского философского текста подразделяются на четыре основных типа, а именно:

1. Авторские термины, образованные словообразовательным (*патрофикация, супраморализм, бытиебоязнь, богооставленность, Сверх-сущее, падшество, безмысленность, пневматосфера, традициональность, всемство, первосимвол*) и лексико-синтаксическим (*цветущая сложность, конкретная метафизика, конец истории, добытийственная свобода*) способами. К особому типу следует отнести дефисные комплексы: *бытие-в-себе, бытие-в-Боге, бытие-космос, без-вид, ан-архия, Жизнь-чрез-Смерть, много-образие, само-бытие, все-единство*.

2. Авторские термины, образованные семантическим способом (терминологизация общеязыковой лексемы): *отцы, сыны, родство, школа, храм, непостижимое, мочь, беспочвенность, мир, творчество*.

3. Переосмысленные термины других наук и богословия (транстерминологизация): *нация, социализм, материализм, пауперизм, крейсерство, литургия, Пасха и пасха, троичность, Троица, грех, Крещение, пятидесятница*.

4. Философские лексемы и специальные философские термины многоаспектного характера, оригинально интерпретируемые конкретным философом (термины в дискурсивной функции): *свобода, бытие, истина, смерть, онтологизм, добро, сверхдобро, зло, человек*.

Особо следует отметить двоякий характер системности авторского термина: это – за редким исключением – единица двух семиотических систем: русской философской терминологии определенного периода и авторской, или личностной терминосистемы, соотносимой с мировоззрением конкретного мыслителя. «Двойная» системность делает философский термин объектом изучения и описания двух разных областей современной лингвистики: терминоведения и авторской лексикографии.

Выводы.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать предварительные выводы о значительной трансформации жанровых форм русской философии описываемого периода, о формировании новой терминологии, ядро которой составляют авторские лексемы разных типов, а также наметить перспективы дальнейших исследований в данной области.

Литература

1. Азарова, Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века / Н. М. Азарова. – М., 2010.
2. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – URL: <http://www.vchi.net/berdyayev/index.html> (дата обращения 15.04.2015).
3. Грановская, Л. М. Дорогая Наталья Юльевна... (коротко – об очень немногом) / Л. М. Грановская // Человек о языке – язык о человеке: Сб. статей памяти академика Н. Ю. Шведовой. – М., 2012.
4. Грановская, Л. М. Философские термины и понятия в русском литературном языке (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) / Л. М. Грановская, М. А. оглы Алиев. – Баку, 2013.
5. Зеньковский, В. История русской философии / В. Зеньковский. – М., 2001.
6. Игумен Андроник (Трубацев). Из истории создания книги «Стоп и утверждение истины» // Флоренский Павел, священник. Стоп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М., 2012.
7. Лосев, А. Ф. Платон. Аристотель / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. – М., 1993.
8. Маринина, Ю. В. Значение и роль жанра в русской философии Серебряного века (1890–1935 гг.) / Ю. В. Маринина // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – №2.
9. Семенова, С. Г. Философ будущего века: Николай Федоров / С. Г. Семенова. – М., 2004.
10. Табанакова, В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу / В. Д. Табанакова. – Тюмень, 2013.
11. Тульчинский, Г. Л. Философская культура и способы философствования / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2011. – №11. – С. 65–76.
12. Федоров, Н. Ф. Собр. соч. в 4 т. / Н. Ф. Федоров. – М., 1995–1999.
13. Федоров, Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. / Н. Ф. Федоров. Т. I. Т. II. – М., 1995. – Т. III; М., 1997. Т. IV. – М., 1999.
14. Хлебникова, О. В. Классификация жанров философской литературы // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 4 (56). – Т. 1. – С. 201–207.
15. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. – Л., 1991.
16. Epstein, M. Symposium and Russian Filosofia / M. Epstein // Symposium. A Journal of Russian Thought. – 1996. – Vol. 1. – P. 3–6.

УДК 811.161

И. Е. Колесова

Вологодский государственный университет

РАЗВИТИЕ КОГЕРЕНТНЫХ ЛЕКСЕМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки (Грант Президента РФ МК-1544.2014.6)

В статье исследуются некоторые аспекты параллельного словообразования в русских диалектах, рассматривается ряд проблем, связанных с этим явлением. Также в работе описывается понятие лексической когерентности, возникающее в результате параллельного словообразования, и исследуются процессы функционально-семантической дивергенции, приводящие к формированию в русских говорах некоторых когерентных лексем с этимологическим корнем **-lei-*.

Русские диалекты, семантическая дивергенция, параллельное словообразование, лексическая когеренция.

The article studies some aspects of parallel word formation in Russian dialects and some problems associated with this phenomenon. Also the article describes the concept of lexical coherence as a result of the parallel word formation and discusses the divergent processes leading to the formation in Russian dialects of the coherent words with the etymological root **-lei-*.

Russian dialects, semantic divergence, parallel word formation, lexical coherence.

Введение.

Параллельное словообразование в русских диалектах представляет собой сложное явление, играющее значительную роль в развитии диалектной лексической системы. К сожалению, в научной литературе часто остается без внимания, как данное явление, так и тесно связанные с ним дивергентные процессы, приводящие к образованию в различных русских говорах формально тождественных производных слов, имеющих разное значение и функционирующих в разных номинативных сферах.

Основная часть.

Изучение проблем развития диалектной словообразовательной системы, связанных с параллельным словообразованием, представляется крайне актуальным на современном этапе изучения языка, поскольку именно в говорах образование формально тождественных производных слов, имеющих разное значение и функционирующих в разных номинативных сферах, происходит наиболее активно. Например, по одной словообразовательной модели образованы формально тождественные слова *водянка* ‘водяная мельница’ (перм.), *водянка* ‘сосуд для воды’ (смол.),